Тимур-Мелик / окончание

Category: Kitapcy,Taryhy proza
написано kitapcy | 24 января, 2025
Тимур-Мелик / окончание • Школа суфиев

Тимур-Мелик поднял руки вверх и закружился в танце. Музыканты, сидевшие в углу большой полутемной залы, играли приятную мелодию. Один из них отбивал на бубне быстрый ритм, заставлявший Тимур-Мелика вращаться все быстрее и быстрее. Рядом с ним еще несколько человек совершали такое же кружение. Сознание их было затуманено принятым легким наркотическим средством. Уста нараспев твердили строки священных стихов.

Внезапно словно бушующая теплая волна закипела по жилам Тимур-Мелика. Кровь яростным потоком шумела в голове. Он продолжал кружиться. Все вокруг слилось в один размытый цветной круг. Рядом Тимур-Мелик различал неразборчивые вскрики и вопли вошедших в транс «танцующих» дервишей. Вскоре и эти звуки слились в один неразборчивый гул. Тимур-Мелик с замиранием сердца ожидал, что произойдет дальше. Дано ли будет ему заглянуть в глубины своей души и увидеть там, словно в зеркале, образ Бога.

Тимур-Мелик смотрел вверх. В центре размытого движением изображения стал возникать световой круг. Он медленно расширялся, охватывая пространство вокруг. Гул голосов все нарастал. Он то сливался в сплошной многоголосый вопль, то распадался на десятки и сотни голосов, звучащих вразнобой. И тут Тимур-Мелика словно рвануло и понесло. Он огляделся. Вокруг шла сеча. С дикими криками носились всадники, рубя мечами направо и налево. Толпы пеших воинов, размахивая пиками и саблями, бились друг с другом. Одного мгновения хватило Тимур-Мелику, чтобы охватить взором все поле битвы. Он узнал воинов хорезмшаха и людей из войска гурхана. Каракитаи сражались отчаянно, визгливо выкликая свой боевой клич-уран.

В руке Тимур-Мелик ощутил знакомую тяжесть дамасской сабли, а

его самого нес по полю разгоряченный битвой храпящий конь. С обоих сторон с поразительной быстротой возникали перекошенные яростью лица. Тимур-Мелик видел мечи и пики, занесенные для удара. Он успевал увернуться от разящего клинка и нанести ответный смертельный выпад. Казалось, Тимур-Мелик имел тысячу глаз и замечал любую возникающую опасность. Внутри него словно раскручивалась гигантская пружина, приводившая в движение все его тело.

Земля была усеяна трупами поверженных воинов. На холме в отдалении Тимур-Мелик увидел группу всадников. И тут же устремился к ним. Там должен быть командующий войском каракитаев Таянгу!

Увертываясь от свистящих стрел, расчищая дорогу ударами дамасского клинка, Тимур-Мелик уверенно продвигался в сторону возвышенности. Наверху его уже заметили, и три всадника отделились от группы, направляясь к нему, окруженному толпой пехотинцев.

На помощь Тимур-Мелику пришли его верные воины. Двое из них смяли пехотинцев, трое остальных поскакали за командиром, бросившимся навстречу всадникам. Два-три удара — и Тимур-Мелик продолжает свое движение наверх, оставляя доделать работу своим товарищам.

Охранники Таянгу окружили командующего плотным кольцом, ощетинившись копьями. В грудь Тимур-Мелика больно ударила выпущенная меткой рукой стрела. Кожаный панцирь со вшитыми металлическими пластинками выдержал удар. Тимур-Мелик едва не потерял равновесие. Но продолжал свое восхождение. Удар, еще удар кривой саблей, и он оказался в центре круга. Таянгу попытался достать Тимур-Мелика мечом, но тот молниеносно выбил командующего из седла и приставил к его горлу острие дамасской сабли. Сражение было выиграно!

Вокруг раздавались крики, призывающие каракитаев прекратить сопротивление. К Тимур-Мелику подъехал сам хорезмшах Мухаммед.

На его устах играла улыбка:

— Юноша, ты словно спустившийся с небес Бог войны! Я наблюдал за битвой. Ты был всемогущ, Тимур-Мелик!

В груди воина гулко билось сердце. В душе все пело: «Я — Бог! Я — Бог!» Восторженные крики неслись со всех сторон. Они слились в один звенящий гул…

Тимур-Мелик обессилено упал на руки подбежавших дервишей. К нему подошел Акбар.

— Ты кричал, что ты Бог, — проговорил старый шейх. Прошло уже три года после его встречи с Тимур-Меликом. Акбар заметно постарел. Глаза несколько утратили блеск, волосы поредели.

Тимур-Мелик был еще слаб. Действие одурманивающего напитка исчезало постепенно, оставляя после себя чувство пустоты и тяжести.

— Я вернулся далеко назад, Акбар, — прошептал Тимур-Мелик, — я словно вновь принял участие в той битве с каракитаями в долине реки Талас. Все было как наяву. Я был молодым, учитель! Я был счастлив! После этой победы хорезмшах Мухаммед называл себя вторым Александером и вырезал на перстне надпись «Тень Аллаха на земле»! Но я не увидел лик Бога, Акбар! В видении были только люди.

— Но ты кричал, что ты Бог, — снова напомнил Тимур-Мелику шейх. — Рассказывают, что знаменитый суфий Баязид во время транса тоже кричал, что он сам всемогущий Бог. Что нет иного Бога, кроме него. Когда ему рассказали об этом его ученики, Баязид приказал им взять ножи и убить его, если подобное повторится. Но когда ученики попытались нанести ему удар, ножи обратились против них. Во время танца Баязид был уже не человеком, а отражением лика Аллаха! Возможно и ты, Тимур-Мелик, почувствовал присутствие Всемогущего Господина!

Во время трапезы Акбар протянул Тимур-Мелику книгу в кожаном

переплете.

— Почитай эти стихи, сынок. Их написал великий человек, Омар Хайям. Он тоже был суфием. В те времена, когда жил Омар, наш орден испытывал гонения. Суфии придумали тайный язык, который был понятен лишь посвященным. Вот послушай, — шейх открыл книгу, нашел нужную строку и нараспев прочел:

— Я избрал себе секту любовных утех.
Ты — мой Бог! Подари же мне радости рая.
Слиться с Богом, любовью пылая, — не грех!

Простой человек, услышав этот стих, скажет, что речь идет о любви к женщине. Но мы, суфии, знаем, что истинная любовь может быть только к Создателю. Хайям беседует с читателем на тайном языке, где корчма или кабак означают храм или школу суфиев. Объятия — это восторг единения с Богом. Бракосочетание синоним начала познания. Вино — наше учение. Лоза и виноград — источники вина, в этих стихах — сам суфизм. Любовник или соловей — суфий, предмет его любви — Всемогущий Аллах. Посмотри на эти четверостишья через эту призму. Тебе откроется мудрость великого суфия!

Акбар наизусть произнес несколько четверостиший Омара Хайяма:

— Что ты плачешь и стонешь? Я в толк не возьму.
Встань и выпей вина. Горевать ни к чему.
Долго ль будет глядеть светлоликое солнце
На несчастных, лицом обращенных во тьму?

Сад цветущий, подруга и чаша с вином —
Вот мой рай. Не хочу очутиться в ином.
Божественный сок твоих лоз, виноград,
Для души моей — лучшая из наград

Тимур-Мелик! Ты должен познать радость единения Вселенной в Боге. Мюрид должен подвергать себя лишениям и испытаниям. Эта книга укрепит твой дух и решимость. Помни, ты не одинок. Аллах всегда с тобой! Он видит тебя и днем и ночью. Тебе предстоит

узнать радость всеобъемлющей любви к Творцу. Как говорил Хайям:

Из всего, что Аллах мне для выбора дал,
Я избрал черствый хлеб и убогий подвал,
Для спасенья души голодал и страдал,
Ставши нищим, богаче богатого стал!

Тимур-Мелик, ты тоже должен обладать этим богатством. Надо пройти через муки самоистязания, чтобы ощутить вкус нашего вина.

Убывает гордыня в сердцах от вина,
Сущность мира становиться ясно видна.

Акбар говорил вдохновенно, и его слова проникали глубоко в душу Тимур-Мелика. Стихи Омара Хайяма странным образом успокаивали израненную душу воина, суля излечение. Неужели он, наконец, обретет мир в истерзанном сердце? Рядом с сирийцем Тимур-Мелик чувствовал себя уверенно – он кому-то еще нужен. А Акбар продолжал:

– Ты много прожил, Тимур-Мелик, много воевал. Все, ради чего ты сражался, разрушено. Все люди, которых ты защищал, мертвы. Миллионы людей, когда-то живших в Мавераннахре, истреблены, и их кости перемешаны с землей. Что тебе осталось в этой жизни? Поверь мне, старику – слиться с Богом! Понять свое предназначенье!

Смерть я видел, и жизнь для меня не секрет.
Снизу доверху я изучил этот свет.
Вот вершина моих наблюдений: на свете
Ничего, опьянению равного, нет!

Будь тверд, Тимур-Мелик. Впереди тебя ждет рай на земле!

• Могила на Ак-Туме

Хаким отложил книгу в сторон. Перед глазами вставали другие картины, заслоняя листы книги, вытесняя из головы видения,

рожденные воображением. Старик видел себя скачущим во весь опор по полю битвы. В ушах гремела какофония звуков: разрывы снарядов, грохот орудий, стрекот пулеметов, крики людей, сливающиеся в сплошной дикий вой. И кровь, кровь кругом. Она била фонтаном из вскрытой артерии продолжающей галопировать рядом с Хакимом лошади, потерявшей всадника. Алые потоки струились по грудам тел, разбросанным по степи. Кровь ручьем стекала с клинка шашки Хакима, когда он с оттяжкой наносил удар, стараясь попасть по шее противника.

Старик затряс головой, отгоняя прочь навязчивые видения. Тимур-Мелик ищет спасения в религии. Хаким тоже хотел найти забвение в Аллахе. Но, видно, тяжки его грехи, если Всемогущий не дает отдохновения измученной душе Хакима…

То был не только голодный поход, но и ледовый. Сильно потрепанные части Семиреченской армии атамана Анненкова в марте 1920 года, теснимые конницей большевиков, оказались на берегах озера Ала-Коль. Голодные, измученные люди страдали от пронизывающего холода. Весна не торопилась вступать в свои права. Ночи были холодные, и то и дело падал снег.

Тяготы голодного бегства разделяли и жены офицеров, казаков. Среди них была и сестра Катая Ходиша. Она, как и положено девушке-степнячке, могла без устали весь день проводить в седле. Но сколько этих дней позади, сколько впереди? Никто не знал. Ходиша лишь крепко сжимала свои и без того узкие губы и гордо поднимала голову, когда ловила на себе пристальный взгляд брата. Она понимала, что Катай переживает за нее. Она выдержит все, хотя многие мужчины падали без сознания от усталости и истощения. Их оставляли на произвол судьбы. И вот, наконец, перевал Сельке – дальше территория Китая. Анненков отдает команду своему 18-тысячному отряду встать лагерем в долине Ак-Тума. Надо дать отдых измотанным людям. Неизвестно как отреагируют китайские власти на вторжение вооруженных людей на свою территорию. Лучше быть готовыми к активным действиям.

Вечером Ходиша подошла к брату. Около костра сидело несколько казахов из алашского полка капитана Тохтамышева.

— Катай, — обратилась Ходиша к брату, — женщины говорят, что многие казаки из отряда не хотят идти в Китай. Они думают вернуться в родные места. — И вопросительно посмотрела на Катая.

— У нас с тобой нет дороги назад, — отрезал Катай, — всюду отряды большевиков. Я воюю против них, коммунисты мне этого никогда не простят.

— А как же другие? Они ведь тоже сражаются против Советов.

— Это их дело. Моя совесть не позволит мне быть заодно с большевиками. Они хотят отнять свободу у меня и моих близких людей. Ты можешь остаться здесь. Вокруг Ала-Коля полно казахов. Они укроют тебя, Ходиша.

— Я не брошу тебя, Катай. Не проси меня об этом. Что бы ни случилось, я буду рядом. Если ты погибнешь, умру и я!

Катай знал, что возражать сестре бессмысленно, она будет стоять на своем…

Перед многотысячным отрядом гарцевал на лошади атаман Борис Владимирович Анненков. Внук знаменитого декабриста, борца против самодержавия, был ярым монархистом.

— Я давал присягу государю императору и буду верен своей присяге до последнего мгновения своей жизни, — разносился окрест зычный голос атамана. — Большевики утопили Россию в крови! Они расстреляли всю семью нашего императора и его самого! Я клянусь напоить большевиков досыта их собственной кровью! В Синьдзяне, на китайской земле, сейчас собираются силы Белой Армии. Туда ведут своих людей колчаковские генералы и атаманы. Мы присоединимся к ним. Мы с вами должны совершить святое дело — освободить Русь от большевистской заразы. Она, как червь, разъедает страну. Брат восстал против брата.

Насилие можно остановить только более жестоким насилием. Я, ваш атаман, который вел вас за собой на германском фронте, бил с вами конницу Блюхера, брал Омск и освобождал святые реликвии для казачества: знамя Ермака и Войсковое знамя 300-летия дома Романовых из рук большевиков, я говорю вам: мне нужны только сильные люди, готовые пойти за мной до конца! Кто устал от сражений, голода, кто не имеет сил для борьбы, пусть уходит — я не держу. Возвращайтесь назад в советскую Россию! Сдайте оружие и идите с Богом! Я прощаю вас!

Меж бойцов прошелся гул голосов, который начал нарастать и вскоре превратился в сплошной рокот. Атаман резко гаркнул, и все стихло.

— Братья! — эхом пронеслось по окрестным горам, — вы отдали родине все, что смогли! Если у вас не осталось сил, идите домой. О-о-тря-яд! Слушай мою команду! Кто хочет уйти — два шага перед строем!

Сначала по одному, робко, потом группами по три-четыре человека, а за ними уже, отчаянно махнув рукой, по десять-двадцать бойцов застывали перед строем понурые люди. Через полчаса перед атаманом Анненковым стояла почти четверть отряда — более трех с половиной тысяч человек. Борис Владимирович обвел их своим стальным взглядом. Кругом знакомые лица! Сколько пройдено боевых дорог!

— Сложите оружие и можете идти в Советы, — негромко произнес атаман, но в наступившей тишине каждый боец отчетливо слышал его голос.

Вот сдана последняя шашка и брошена последняя винтовка. Вниз к долине растянулась неорганизованная масса бредущих людей.

Анненков окинул взглядом оставшихся воинов.

— С вами мы возродим прежнюю Россию! Это будет долгая и бескомпромиссная война. Нам помогут все мировые державы — большевики обречены. Посмотрите на своих бывших товарищей —

завтра большевики заставят их встать под свои знамена. Ваши боевые братья будут убивать вас. Они сами сделали выбор. Как говорят большевики, «кто не с нами, тот против нас». Закалите свои сердца. В них не должно быть места жалости к врагу. Капитан Тохтамышев! Разворачивай свой полк к атаке! Покарайте предателей!

Раздалась резкая команда, и алашский полк обнажил шашки. Катай видел, как по напрягшимся лицам оставшихся в строю казаков текли слезы. Но никто из них не издал ни звука. С диким воем алашевцы, пришпорив коней, бросились вдогонку за побежавшими людьми.

Через полчаса атаман Анненков приказал собрать все трупы изрубленных людей и похоронить в братской могиле. Сданное личное оружие, часть пулеметов и пушек атаман приказал спрятать рядом в подземном схроне. Они еще вернутся за ним…

Старик очнулся от дум. Он всю жизнь старался не касаться подробностей той бойни. Но порой она снилась Хакиму в мельчайших деталях. Кровь, кровь, кровь. Летящие головы, руки, мешком падающие тела. И дикий азарт в горящих глазах товарищей. Они, словно волки, ворвавшиеся в стадо беспомощных овец, резали направо и налево, упиваясь вседозволенностью.

Куда же деться от этих мыслей? Куда скрыться? От себя еще никто не убегал. Хаким дал себе слово не прикасаться к этой книге, которая будит его дремлющее прошлое. Надо выйти из дома и пройтись по улочкам Рыбачьего. Но удивительная книга без названия, словно магнит, притягивала Хакима. Что же будет с Тимур-Меликом? Вернется ли он домой? Встретит ли сына? Ведь Хаким все же вернулся в Семипалатинск из Синьдзяна. Год на чужбине показался ему вечностью. От голодной смерти его спасла Ходиша. Она выменивала на еду свои браслеты и кольца на базарах. Приносила какие-то гроши, выполняя где-то поденную работу. Хаким имел деньги лишь изредка, китайцы, у которых вместе с атаманом Анненковым он находился на службе, неохотно платили жалование. В Урумчи скопилась масса вооруженных людей.

Генерал Дутов говорил, что у него более 60-ти тысяч сабель.

Атаман Анненков ни хотел признавать ничей власти. Даже китайской. В душе он был анархистом. Пошла полоса поражений. Дутов был застрелен. Анненков оказался в тюрьме. Разбит генерал Бакич, который с остатками своей гвардии двинулся на Алтай, а потом дальше – в монгольские степи к барону Унгерну. Китайские власти требовали, чтобы оставшиеся анненковцы переселились вглубь Китая, подальше от границы с Россией. Большевики же объявили амнистию всем, кто сражался против них с оружием в руках. Хаким выбрал родину, решил вернуться с сестрой назад. А там будь что будет. Смерти он уже не боялся, а что может быть страшнее ее?

Хаким не выдержал и опять открыл книгу. Листая страницы, он живо представлял себе Тимур-Мелика, историю его жизни.

• Ходжент

Тимур-Мелик шел по дороге, ведущей в родной Ходжент. В старике с седыми волосами и бородой, одетом в рубище, вряд ли кто узнал бы неукротимого командира, некогда возведенного в ранг национального героя. Минуло двадцать пять долгих лет, полных тревог и испытаний, с тех пор, как он покинул этот город. Это было в далеком 1220 году.

Поднявшись на небольшой холм, Тимур-Мелик увидел Сырдарью и небольшой остров посередине, где некогда возвышалась крепость. Десять дней вместе с тысячью отважных джигитов удерживал он тогда этот остров от монголов. Сейчас на крохотном клочке суши Тимур-Мелик не заметил и намека на строение. Видимо, раздосадованные неудачей воины Джучи сравняли с землей стены крепости.

Ушел в небытие великий разрушитель Чингисхан. Вслед за ним, просидев на троне империи отца двенадцать лет, отправился и его сын Угэдэй. Мавераннахр в составе улуса Джучи управлялся сначала сыном Чингисхана, самим Джучи, а после его смерти сыном Джучи Бату, или как его знали в России и Европе ханом

Батыем. Ушли многие, кто двадцать пять лет назад вершил здесь историю. Остался Тимур-Мелик. Он возвращался, чтобы замкнуть свое долгое путешествие в той точке, откуда отправился в него вместе со своими воинами. Не раз в своих медитативных грезах Тимур-Мелик переживал тот ночной прорыв на лодках вниз по течению Сырдарьи. Это было грандиозное зрелище. Семьдесят больших лодок с воинами Тимур-Мелика, которые вынуждены были освещать себе путь огнями, чтобы не напороться на мели и острова, плыли по течению. Стараясь ускорить бег судов, воины гребли под защитой натянутых на каркас войлоков. И словно две гигантские светящиеся змеи текли по обоим сторонам реки. Это двигались преследующие их монголы. Одни держали факелы, другие стреляли по движущимся по воде лодкам горящими стрелами. Казалось, что лодки были центрами фейерверков, куда устремлялись сотни сверкающих змеев.

Теперь, возвращаясь, Тимур-Мелик не раз проходил знакомые места. Вот там он отдыхал с Джелал ад-дином, когда они покинули Ургенч. После трагической смерти хорезмшаха Мухаммеда на пустынном острове Каспийского моря, куда он бежал от преследования Чингисхана, Джелал ад-дин должен был встать на место отца. Но многие воспротивились этому. В том числе и его братья Озлаг-шах и Ак-шах. Пришлось Джелал ад-дину и Тимур-Мелику пробираться в Хорасан. А ведь они могли повернуть колесо истории! Если бы только не было раздора между братьями, Чингисхан получил бы достойный отпор!

Но случилось то, что случилось. Следом за ними бежали и братья Джелал ад-дина. Оставленный народ сопротивлялся отчаянно, но возглавлявший их эмир Хумар-Тегин струсил и открыл ворота. Он сдался монголам, рассчитывая на пощаду. Простой народ дрался за каждый дом и квартал. Около моста через обводной канал из Сырдарьи было окружено более трех тысяч монголов и перебито! Тимур-Мелик, когда думал об этом, в бессильной ярости сжимал кулаки. Они могли победить! Мавераннахр мог остаться свободным! Если бы не распри вождей. Они не смогли помириться даже перед лицом смерти!

Не помогли ни боевые слоны, больше рассчитанные на испуг противника перед гигантскими животными, ни смелость горожан. Все улицы Ургенча были устланы телами его защитников. Если в других городах некоторым удавалось остаться в живых, спрятавшись между убитыми, то в Ургенче погибли все. Озлобленные сопротивлением монголы после взятия города открыли плотину и затопили Ургенч водами Амударьи. При взятии Мерва было убито больше миллиона жителей Мавераннахра. Чингисхан словно решил уничтожить все живое на этой земле.

Путешествие Тимур-Мелика омрачалось печальным событием. Умер его учитель Акбар. Порвалась еще одна ниточка, которая связывала бывшего воина с этой жизнью. Ему было хорошо со старым мудрым шейхом. Акбар, казалось, имел ответ на любой вопрос. Они проводили каждый вечер в беседах о смысле жизни и религии. Тимур-Мелик прошел большой путь по тропе суфизма. Он отдал ему одиннадцать лет своей жизни. Но отказался от последней ступени хакиката — полного погружения в Бога. Человек должен потерять свое «Я», в нем должны угаснуть все земные интересы и привязанности, только в этом случае суфий может слиться с возлюбленным Богом.

Тимур-Мелик чувствовал, что для него это равносильно смерти. Только мертвый человек может лишиться своих земных пристрастий и чувств. Он, Тимур-Мелик, на это не способен! Как не способен увидеть в своей душе отражение лика Бога. Сколько раз он пытался! Другие мюриды уже были осчастливлены сим видением. А кто хоть раз узрит лик Аллаха, тот до самой смерти будет находиться в блаженстве! Ему действительно ничего больше не надо!

А Тимур-Мелик каждый раз во время медитаций возвращался в прежние сражения, переживал смертельные схватки, дышал полной грудью, воздухом, напоенным кровью и смертью. И всегда с ним были его друзья, готовые умереть за него, так же как и он за них. Он не мог уйти из своей прежней жизни. Она держала его всеми руками, которые когда-то касались Тимур-Мелика. Память не оставляла его. Акбар, слушая рассказы воина о его видениях,

качал головой и говорил:

— Видимо, Аллах выбрал для тебя иное предназначение, Тимур-Мелик! Ты еще узнаешь о нем!

И вот учитель навечно соединился со своим Возлюбленным, оставив Тимур-Мелика в одиночестве. Нет, мотнул головой Тимур-Мелик, бредя по пыльной дороге. Он не одинок. С ним все те, кто ушел из этой жизни. Хорезмшах Мухаммед и его сын Джелал ад-дин, все его воины, с которыми он ходил в боевые походы. С ним его учитель — старый шейх Акбар. И его мудрые советы. И Омар Хайям. Книга всегда рядом в походном мешке. В любую свободную минуту можно облегчить душу. Найти ответ на тревожащий вопрос.

Ухожу, ибо в этой обители бед
Ничего постоянного, прочного нет.
Пусть смеется лишь тот уходящему вслед,
Кто прожить собирается тысячу лет!

Книга жизни моей перелистана — жаль!
От весны, от веселья осталась печаль.
Юность — птица: не помню, когда ты пришла
И когда, мягкокрылая, вдаль уплыла.

Тимур-Мелик знал, что Батый поддерживает торговлю в Мавераннахре. Разрешил восстанавливать селения и города. В Сирии уже старому воину, а Тимур-Мелику уже шел шестой десяток лет, после смерти Акбара делать больше было нечего. И он решил вернуться в Ходжент.

Целый год пробирался по тропам Тимур-Мелик домой, и вот перед его глазами открывается знакомый с детства вид. Широкая река, извиваясь, как гигантская змея, лежит у подножия небольшого горного кряжа. Там, откуда несет свои воды Сырдарья, лежит благодатная Ферганская долина. Ходжент словно ворота в эту золотую долину. На ее земле растут невиданные плоды, и зимой нет снега!

Тимур-Мелик не боялся быть схваченным. После стольких лет скитаний вряд ли кто узнает его здесь. Да и сомнительно, что кто-нибудь помнит о былом герое. Прошло около шестнадцати лет, как Тимур-Мелик сражался с монголами. Сами завоеватели наверняка забыли его имя. Мавераннахром правит внук Чингисхана Бату-хан, Батый. Для него имя Тимур-Мелик пустой звук.

Старый воин в одежде дервиша вошел в город. Тимур-Мелик ожидал увидеть угнетенных сограждан, сломленных непосильным трудом. Высокомерных монголов, отдающих распоряжения и кнутами заставляющих несчастных людей выполнять приказы. Ничего этого не было.

Жизнь в городе кипела. Открытые лавки ломились от товаров. По улицам сновали люди, охваченные повседневными заботами. На площадях и пустырях играли дети. Откуда-то доносились звуки музыки и песни. Жизнь шла своим чередом. Люди рождались и умирали, смеялись на свадьбах и плакали на похоронах. В голове Тимур-Мелика крутились строки Хайяма:

Смысла нет перед будущим дверь запирать,
Смысла нет между злом и добром выбирать.
Небо мечет вслепую игральные кости.
Все, что выпало, надо успеть проиграть.

«Стоило ли умирать за это будущее?! — подумал Тимур-Мелик. — Мы выбирали смерть вместо позора капитуляции. Воины, горожане, простые ремесленники и торговцы до последней капли крови стояли за свою родину и свой дом. А что их дети? Спокойно живут при новых правителях?!»

Ошарашенный увиденным, Тимур-Мелик вошел в чайхану и пристроился в уголке, незаметно наблюдая за посетителями.

Два купца оживленно беседовали о поставках товара, горячо споря о ценах. Хлопнув по рукам, они судовлетворением принялись поглощать поданный им плов, черпая из блюда сложенными лодочкой пальцами. Рядом с Тимур-Меликом расположился дехканин в небогатом халате. Он отламывал

небольшие кусочки от лепешки и отправлял их в рот, запивая горячим чаем. Встретившись взглядом с дервишем, дехканин протянул ему часть лепешки:

— Уважаемый шейх, вы, наверное, проделали долгий путь сегодня. Угоститесь, пожалуйста, хлебом.

Тимур-Мелик поблагодарил и придвинулся поближе к землепашцу.

Узнав, что дехканина зовут Тахиром, Тимур-Мелик полюбопытствовал о течении жизни в Ходженте.

— Давно я здесь не был, скитался в разных странах, — проговорил старый воин. — Можно ли здесь жить, не притесняют ли монголы?

— Земля у нас хорошая, — отвечал дехканин. — Урожай по два раза в год дает. И нас кормит, и оброк есть чем платить. Нынче все земли, после восстания в Бухаре, Бату-хан отдал Масудбеку, сыну купца Махмуда Ялавача. Тот, который еще при Чингисхане здесь управлял. Сейчас он в Пекине живет. Все восточные земли ему принадлежат. А Масудбек уже седьмой год в Мавераннахре оброк собирает. Он за нас перед монголами отвечает. Мы перед ним. Нас в обиду не дает. Спокойно сейчас здесь жить. Кто работает, у того все есть. Купцы процветают. Сам Бату-хан деньги дает!

Тимур-Мелик слушал и не знал, как задать нужный ему вопрос. Сколько раз в течение последних лет в своих мыслях он твердил эту фразу. А теперь волнение мешает ему говорить.

— Уважаемый Тахир, — наконец решился Тимур-Мелик. — Когда-то давно я встречал одного человека. Он был родом из ваших мест. Я встретил его в Сирии. Он говорил мне, что оставил в Ходженте сына. Очень горевал, что не знает, жив ли он.

— Да назови, кто это, — взволновано произнес дехканин. — Я тут прожил всю свою жизнь. Знаю всех, у меня память хорошая!

— Тимур-Мелик, — негромко сказал суфий. — Кажется, так его

звали.

— О, слава великому Аллаху! — возопил Тахир. — Спасибо Тебе, что он жив! Это наш герой, шейх. Он не говорил тебе об этом? Шепотом во всех домах люди рассказывают детям о подвигах этого человека. Память о нем не умрет в веках!

— Уважаемый Тахир, — напомнил дехканину Тимур-Мелик, — я спросил о его сыне? Жив ли он?

— Осман-Мелик? Конечно, жив! Его все знают в Ходженте. Он наш правитель. Бату-хан вернул ему все земли его прославленного отца. Да что с вами, святой шейх?!

Известие о сыне было неожиданным и поразило Тимур-Мелика в самое сердце. Жив, да еще и правитель Ходжента! Он ожидал всего, но только не этого. Его сын служит внуку Чингисхана!

Тахир видел, как перекосилось лицо старого шейха и как он странно посмотрел на своего собеседника. Дехканину был знаком этот взгляд. Он уже видел его. Давным-давно. Забыть его было невозможно.

— Тимур-Мелик, это вы? — еле слышно произнес Тахир. — О, слава небесам и Вседержителю, мне снова удалось вас увидеть! Какое счастье! Когда вы воевали, я еще был юнцом. Иначе бы я был рядом с вами, Тимур-Мелик!

К их разговору уже прислушивались другие посетители чайханы. Видимо, забывшись, Тахир излишне громко произнес имя старого шейха. Тимур-Мелик сделал ему знак, но было уже поздно. Его имя шепотом пролетело промеж сидящих. Два купца, недавно живо обсуждавшие сделку, торопливо покинули заведение. Следом за ними еще несколько человек спешно выскочили за порог. Все это не укрылось от внимательных глаз Тимур-Мелика. События стали развиваться быстрее, чем он ожидал.

Оставшиеся в чайхане три человека, не считая его и Тахира, молча разглядывали старого дервиша.

«Прав был Хайям, — мелькнуло в голове Тимура-Мелика, — «в книге Судеб ни слова нельзя изменить, жизнь нельзя сократить и нельзя удлинить!» Мне осталось только ждать. Трудно постичь Божьи замыслы. Надо сидеть в укромном уголке и наблюдать».

Тахир предложил старому воину пройти в его скромное жилище и укрыться там до поры до времени. Но Тимур-Мелик покачал головой и произнес стихи Омара, немало удивив этим не только дехканина, но и всех присутствующих:

Смысла нет перед будущим дверь запирать,
Смысла нет между злом и добром выбирать.
Небо мечет вслепую игральные кости,
Все, что выпало, надо успеть проиграть!

Весть о возвращении Тимур-Мелика вихрем пронеслась по Ходженту. Во дворец Осман-Мелика вошла большая делегация знатных людей города. Среди них были купцы и горожане, стоящие во главе гильдий ремесленников и мастеровых, ростовщиков и военных.

Узнав о появлении своего отца в Ходженте, целого и невредимого, но в одеянии бедного дервиша, Осман побледнел и смешался. Он так свыкся с мыслью о гибели своего знаменитого отца, что не допускал возможности их встречи. Осман получил от новой власти сполна. Батый вернул ему земли и привилегии. Да, приходится платить оброк, но разве это может идти в сравнение с тем, что Осман-Мелик имеет?

Это были и его собственные мысли, об этом говорили и члены делегации. Осман с трудом мог вспомнить облик того молодого воина, который был его отцом. Тимур-Мелик оставил сына в семилетнем возрасте. Люди подобрали его с матерью среди груды мертвых тел. Разве был рядом с ним отец, когда он терпел лишения и унижения, питаясь лишь людской добротой? Монголы вернули ему звание и власть. Зачем теперь пожаловал сюда давно уже забытый отец? Он может разрушить сложившийся покой и довольство на этой земле.

— Мой отец погиб в горах Курдистана четырнадцать лет назад, — наконец проговорил оправившийся от смущения Осман-Мелик. — Тот самозванец, который выдает себя за Тимур-Мелика, моего отца, наглый обманщик, и ему не место в нашем городе.

Слова Османа были встречены одобрительными возгласами уважаемых горожан.

• Возвращение

Хаким, как и Тимур-Мелик, не нашел забвения в Боге. Память цепко держала бывшего алашевца. Когда он с Ходишой наконец добрался до Семипалатинска, заканчивался 1921 год. Еще недавно по всему Казахстану гремели бои. Бывшие прославленные командиры Красной Армии поднимали доведенных до полного отчаяния непосильной продразверсткой крестьян против власти большевиков. Тысячи людей становились под знамена Красной Армии Правды, чтобы воевать против диктатуры коммунистов. Но выступления были разрозненные и к концу года все отряды повстанцев были разбиты. Новая экономическая политика Ленина вдохнула искру жизни, казалось, в безысходное существование. Открывались лавки и мастерские. Создавались артели и товарищества. Так что, когда брат с сестрой вернулись домой, они увидели — жизнь продолжается. Брат Абдыкадыр открыл Киргизское торговое акционерное общество, вел дела на отцовском кожевенном заводе, имел широкие торговые связи по России, был непременным участником различных ярмарок. Отец уже был стар и не касался дел Торгового общества. Он видел, что Кабды и без советов отца правильно ведет дело.

Хаким с удивлением смотрел вокруг. Как быстро приспосабливаются люди к новым условиям. Вчера они воевали с большевиками, а сегодня трудятся на благо Советской республики. А может быть, на свое благо? Может, в этом разгадка их быстрого перевоплощения? Брат посоветовал Катаю сменить имя, опасаясь репрессий со стороны властей, так и появился Хаким.

Зачем же гибли тысячи и тысячи людей, если те, за которых они отдавали свои жизни, преспокойно живут и здравствуют в стане врагов? Видно, нельзя повернуть Колесо Истории. Теперь, спустя полвека, Хаким знает, что большевиков победить было нельзя. Как и армию Чингисхана. Триста лет просуществовало монгольское иго, пока не было сброшено. Будет ли конец большевистской власти? Хаким этого не знает. Как и не знает теперь, хочет ли он, чтобы она кончилась. Прожита жизнь, которая могла быть другой. Кончился НЭП, и наступила коллективизация. У них отняли все, что было заработано честным трудом. Большой семье пришлось ютиться на далекой зимовке отца почти в сотне километров от Семипалатинска. А всех мужчин – братьев и мужей сестер посадили в тюрьму. Хорошо, что до тех времен не дожил Жакия. Его похоронили в 1924 году с большими почестями. А в 1927 все отвернулись от них. Те, кого отец Жакия неоднократно спасал от голодной смерти, давая взаймы деньги и скот, зная, что возврата не будет, родственники, которым Абдыкадыр роздал на хранение золотые и серебряные вещи, предчувствуя конфискацию имущества, все отвернулись и отказались протянуть руку помощи, когда семью без средств на существование отправили на поселение в Сибирь после суда в 1928 году. Видимо, правы люди, говоря, что помогать нищим нельзя. Пока даешь им, они превозносят тебя, стоит прекратить им давать, нищие проклянут тебя, хотя шариат и предписывает правоверным наделять милостыней нуждающихся. Отец Хакима неукоснительно выполнял это требование. У него в доме всегда находили приют и пищу знакомые и родственники, приезжающие в Семипалатинск издалека. А когда Хаким и его братья попросили людей вернуть то, что отдали им на сохранение, мало кто подумал возвратить им хотя бы малую толику.

В тюрьме Хаким узнал новость: в камеру смертников заключили атамана Анненкова. Впоследствии Хаким выяснил, что китайцы держали атамана в тюрьме города Урумчи до 1924 года, когда под давлением англичан и японцев выпустили Анненкова на волю. Тот уехал в глубь страны и в провинции Гансу начал разводить лошадей. Причем успешно. Чистокровные скакуны уже тогда были в

цене. Но большевики не могли простить атаману его былых заслуг. В 1927 году Борис Владимирович Анненков был похищен из города Ланчжоу советскими агентами и привезен в Советскую республику. В июле 1927 года атаман был расстрелян в городе Семипалатинске после показательного суда. Военная коллегия Верховного суда СССР признала его виновным в массовых убийствах, погромах и контрреволюционной деятельсти.

В 1928 был суд над Хакимом и его родственниками. Полная конфискация имущества и поселение в Сибири.

Это были годы сплошной коллективизации. У людей отбирали последнее, загоняя в колхозы. В Казахстане свирепствовал голод. Миллионы людей умирали от голода. На улицах валялись трупы, которые сваливали на телеги и вывозили за город. Хаким помнит дикие глаза обезумевших людей, которые набрасывались на базарах на продавцов и покупателей съестных продуктов. Толпа безжалостно нападала на несчастных и забивала их до смерти. Кто повинен во всех этих смертях? Неужели Хаким и его близкие? Или, может быть, атаман Анненков? «Мы дрались за возвращение старого мира, – думал тогда Хаким, – в котором было, что терять. Теперь у нас нет ничего, кроме собственных жизней. Мы боремся, чтобы сохранить их». Большевики уничтожили богатых, но никто не стал жить из-за этого лучше. Всем стало неимоверно трудно сохранить свою жизнь…

Хаким прошелся по комнатке с низким потолком и выглянул в окошко. Как всегда, радуют глаза белоснежные горы, застывшие между двух синих пространств: лазурного неба и ультрамариновой глади озера.

Хаким выжил. Выжили и все его родственники, потому что они всегда держались друг за друга и помогали себе сами. Работали все, включая детей. Человек может привыкнуть к любым условиям. В сорок первом брат Абдулла, как самый младший, ушел на войну, защищать Советскую родину. Действительно, это была их родина, потому что они жили здесь и любили эту землю. Хотя почти вся семья к тому времени осела в Киргизии. В Семипалатинск

вернулись немногие. Уехали на фронт и племянники, сыновья Абдыкадыра – Ватай и Даниял. Из всех ушедших на фронт лишь Ватай домой.

Сколько же минуло лет, с тех пор, как Хаким живет здесь, на берегу горного моря? Кажется, целую вечность. Порой ему представляется, что он всегда тут жил, а все его воспоминания лишь кошмарный сон. Но старик знает: все это было наяву. Вся его жизнь тут – в голове. Она крутится внутри как заезженная пластинка. Тогда Хаким достает свою заветную тетрадь и пишет в нее своим красивым каллиграфическим почерком замысловатые завитки арабского письма. В этой тетрадке вся его жизнь. Он не может рассказать о ней своим внукам. Они не поймут его, а может быть, и осудят. У них другие ценности. Дети смеялись над его набожной сестрой, которая неукоснительно соблюдала заповеди шариата и каждый день пятикратно возносила молитвы Аллаху. О чем она просила Всемогущего? Хаким никогда не спрашивал. Но рано или поздно кто-то прочтет его записи. Надо, чтобы потомки знали о жизни своих предков. Зачем? Этого Хаким тоже не знал, но чувствовал потребность поделиться воспоминаниями, хотя бы с чистым листом бумаги. «Потомки должны знать о нас, – думал старик, – дерево без корней сохнет и падает. Мы – корни для будущих поколений». Его внуки обязательно станут большими людьми – это заложено в их наследственности.

Хаким бросил взгляд на книгу о Тимур-Мелике. Чем закончилась история героического воина? Неужели он обрел, наконец, счастье в конце жизненного пути?

• Каракорум

Нищим дервишем ставши – достигнешь высот.
Сердце, в кровь, изодравши – достигнешь высот,
Прочь, пустые мечты о великих свершеньях!
Лишь с собой совладавши – достигнешь высот.

Вокруг гигантского прямоугольника, окруженного каменными

стенами высотой более трех метров, раскинулось море шатров и юрт. Кругом сновали всадники и пешие люди. С четырех сторон света внутрь крепости вели большие ворота. Крепостная стена была окружена рвом шириной в семь метров, заполненным водой. Возле каждых ворот кипел рынок. У восточных торговцы сгружали мешки с зерном, кто-то привозил их на телегах, кто-то уносил уже купленное. Около противоположных западных ворот слышалось блеяние овец и коз — там торговали мелким скотом. Перед южными воротами расположились торговцы быками и повозками, а у северных стояли табуны лошадей.

Над шатрами развевались различные флаги и знамена. В воздухе стоял гомон от суетящихся людей, к которому примешивался гул четырех базаров. Иногда доносился далекий звон церковных колоколов и призывы муэдзина к молитве, гулкие удары большого барабана в буддийском храме и металлическое лязганье молотов в кузнечных мастерских. В столице монголов, словно в библейском Вавилоне, смешались все религии и народы. Завоеватели согнали в свой главный город лучших мастеровых со всех концов своей обширной империи.

Тимур-Мелик ехал на повозке. Высокий воин-монгол правил впряженными в нее лошадьми. Трое всадников сопровождали повозку. Тимур-Мелик с интересом рассматривал каменные тюркские изваяния, стоящие вдоль дороги. Он видел их и на своей родине. Однако рядом с ними стояла огромная каменная черепаха, хищно выглядывавшая из-под своего узорного панциря. Такого старый воин никогда не видал.

Воспоминание о родине больно кольнуло в сердце. Не приняла она Тимур-Мелика! Полжизни отдавший за ее свободу, он с позором был изгнан из родного города. Сын даже не захотел встретиться с ним! Тимур-Мелик — изгой! Его обвинили в обмане. Лишили собственного имени. Что бы он делал, если бы не прошел школу Акбара? Суфий добровольно уходит от всего мирского. Иначе Тимур-Мелика не связывала бы с жизнью ни одна ниточка. Может быть, кроме чувства мести. Но это чувство давно уже чуждо Тимур-Мелику.

Миром правят насилье, злоба и месть.
Что еще на земле достоверного есть?
Где счастливые люди в озлобленном мире?
Если есть — их по пальцам легко перечесть.

Тимур-Мелик мог бы назвать много счастливых людей. Хорезмшах Мухаммед, его сын Джелал ад-дин, воины Тимур-Мелика, сирийский шейх Акбар, мудрый суфий Омар Хайям. Их легион! Все они с честью выполнили свой долг и встретились с Богом. Наверное, кто-то и сейчас счастлив. Он узнает об этих людях позже. Если это позже для него настанет. Что уготовил ему Аллах? Каково его предназначение, о котором твердил его учитель Акбар?

Тимур-Мелик уже давно катил на повозке. После ухода из Ходжента, он брел, куда глядели глаза. Но вскоре его разыскали монгольские солдаты. Тимур-Мелика хотел видеть сын великого хана Угэдэя. Офицер и солдаты с почтением обращались со старым воином. Они пытались выполнить любое его желание. Кроме желания оставить его в покое.

И вот Тимур-Мелик в столице Монгольской империи Каракоруме! Мог ли об этом даже подумать его любимый воспитанник Джелал ад-дин, для которого слово «монгол» было синонимом слова «враг». Тимур-Мелик вспомнил, с какой мрачной решимостью бросал Джелал ад-дин в бурные воды Инда свою мать и детей. Представил миллионы людей, превращенных в обезображенные трупы безжалостной рукой и смешанных с грязью.

Месяца месяцами сменялись до нас,
Мудрецы мудрецами сменялись до нас.
Эти камни в пыли под ногами у нас
Были прежде зрачками пленительных глаз.

Эти зрачки не дают покоя Тимур-Мелику. Он их видит повсюду. Напрасно Тимур-Мелик успокаивает себя, твердя священные для него строки:

Ни от жизни моей, ни от смерти моей
Мир богаче не стал и не станет бедней.

Напрасно вспоминает он мудрые слова Акбара:

— Отрекись от мира! Откажись от его страстей. Тебе не нужна мирская суета. Ты должен быть чужд земных привязанностей. Ты суфий, Тимур-Мелик. Ты должен любить только Бога! Узри Его лик в зеркале своей души.

В темноте своей души Тимур-Мелик видел лишь образы тех людей, которых когда-то любил. Старый воин, в который раз, попытался угадать, с какой целью его везут в столицу монголов. В сердце крепло убеждение, что Кода-хан, сын Угэдэя, хочет купить его свободу. Как он купил его сына. Это надежней, чем вязать руки или пугать смертью. Намного крепче можно привязать своего противника, дав ему хлеба и привилегий. Чтобы было, что терять. Любой смертельный враг превратится в твоего рьяного сторонника. Тимур-Мелик увидел это в Ходженте. Родной сын отказался от отца, выбрав взамен сытую жизнь.

Тимур-Мелик горько усмехнулся. А не льстит ли он себе? Что он за важная птица, ведь Тимур-Мелик уже старик, лучшие годы далеко позади. Но, в подтверждение его мысли, навстречу им из дворца спешил отряд воинов и несколько важных сановников.

Один из них, приблизившись к повозке, учтиво проговорил, склонив голову в поклоне:

— Наш повелитель, чья слава потрясает мир и от имени которого в страхе трясутся народы, оказывает тебе, Тимур-Мелик, великую честь. Он наслышан о твоей былой доблести. Сам великий Чингисхан, Покоритель Вселенной, отмечал храбрость Тимур-Мелика. Поэтому наш властелин доверяет тебе учить наших воинов боевому искусству. Он понимает, что силы Тимур-Мелика уже не те, что в молодые годы. Но мудрость и опыт его бесценны. Тимур-Мелик будет принят как подобает знатному человеку. Великий хан дарит ему дворец со слугами и надеется, что Тимур-Мелик выберет себе достойных жен и наложниц!

Тимур-Мелик спрыгнул с повозки и выслушал речь сановника, слегка склонив голову. Поток мыслей быстрой рекой несся в

разгоряченном мозгу старого воина. Вот и финал его долгой борьбы и скитаний. Всё, чего добился Тимур-Мелик, — это подачка со стола его врага? Конечно, можно безбедно провести остаток определенной ему Богом жизни и так, как предлагает ему великий хан. Ведь, когда началась война с монголами, никто в Мавераннахре даже не предполагал, насколько силен Чингисхан. И они верили в победу. И он, и Джелал ад-дин. Сейчас Тимур-Мелик один. Что он может сделать? Согласиться, войти в доверие, выждать подходящий час и нанести смертельный удар внуку этого дьявольского отродья Чингисхана? Но будет ли этот подходящий миг? И сколько времени придется его ждать, ведь Тимур-Мелик не молод? И все это время люди будут считать его предателем? Возможно, они его простят. Скажут, не он один. Все вокруг трудятся на завоевателей.

Тимур-Мелику показалось, что весь мир смотрит на него. Что он скажет? Что выберет? На Тимур-Мелика смотрели невидимые для смертных людей глаза хорезмшаха Мухаммеда, его сына Джелал ад-дина, миллионы людей Мавереннахра, чей прах был втоптан ногами монгольских коней в родную землю. На старого воина неотрывно взирали строгие глаза сирийского шейха Акбара. Что они от него ждали? Внезапно Тимур-Мелик понял, что он сейчас сделает. Ему стало легко и радостно. Словно тяжелая ноша, которую Тимур-Мелик нес на своих натруженных плечах, исчезла.

Тимур-Мелик расправил плечи и поднял взгляд на сановника.

— Неужели вы, монгольские шакалы, думали, что меня можно купить? — Он говорил громко и насмешливо. Глаза сановника округлились от изумления. — Ваш недоносок, великий хан, погряз в пьянстве и распутстве, его глаза заплыли от жира, а ум засох, иначе он не посмел бы мне предложить подобное!

Тимур-Мелик громко выкрикивал ужасные слова, и люди вокруг начинали оглядываться и прислушиваться, пытаясь понять, что происходит. Сановник очнулся от шока и подал команду воинам схватить Тимур-Мелика и заткнуть тому рот. Старый воин схватил палку, которая служила ему посохом в странствиях.

Три воина бросились к Тимур-Мелику. Ловко провернув свою палку в воздухе, старый воин с силой стукнул одного из них в лоб, другому достался удар по носу, третий был опрокинут подсечкой под колени.

Никто из наблюдавших за этой сценой не предполагал такой прыти от старика. Со всех сторон сбежались люди, привлеченные этой потасовкой. Сановник сделал знак и новые воины кинулись на стоящего Тимур-Мелика. К ним присоединилась и поднявшаяся с земли первая троица. Для верности все обнажили мечи.

Тимур-Мелик сделал резкое движение. Взмах палкой. Вскрик от резкой боли. И ближайший воин отскочил в сторону, тряся поврежденной рукой. Его меч, выбитый из рук, описал в воздухе короткую дугу и упал к ногам Тимур-Мелика. Мгновение — и оружие оказалось в руках старого воина. Нападавшие воины шарахнулись в стороны, когда Тимур-Мелик провел мечом по кругу. Это было сделано с такой скоростью и силой, что клинок запел, со свистом рассекая воздух.

— Трусливые крысы, — закричал Тимур-Мелик, продолжая наступать на попятившийся отряд монголов. — Вы можете питаться только падалью! Что, не можете осилить старика?!

Взбешенные воины вновь предприняли попытку схватить Тимур-Мелика, обходя его со всех сторон. Сделав несколько грациозных выпадов, старому воину удалось разоружить половину нападавших и обратить в бегство остальных. Перед Тимур-Меликом остался один молодой воин. Слегка присев на широко расставленных ногах, с открытыми от ужаса глазами, он судорожно сжимал обеими руками выставленный вперед меч.

Оцепеневшая толпа зевак хранила молчание. Они увидели, как Тимур-Мелик опустил свое оружие и шагнул навстречу острому клинку молодого воина.

Тимур-Мелику показалось, что наблюдавшие за схваткой Мухаммед, Джелал ад-дин и все его боевые товарищи молча кивнули в знак одобрения. И старый Акбар кивал головой. Наконец-то Тимур-

Мелик увидит своего Возлюбленного Бога. До него только один шаг! И Тимур-Мелик сделал его!

В тронный зал Кода-хана поспешно вошел перепуганный сановник, в сопровождении солдат.

— Мой повелитель, — упал ничком сановник, — Тимур-Мелик мертв! — простонал он, не поднимая головы.

Кода-хан молчал несколько минут, после обстоятельного доклада о происшедшем около дворца. Наконец он поднялся и произнес:

— Встань с колен, Менгу! Повелеваю похоронить Тимур-Мелика по всем мусульманским обычаям. Пусть об этом позаботятся наши невольники-мусульмане. Прикажите отдать ему почести как военному герою. Когда-то мой дед Чингисхан во время битвы у реки Инд сказал своим воинам: «Я хотел бы, чтобы мои сыновья были такими же бесстрашными, как Джелал ад-дин!» Теперь я скажу: «Я хочу, чтобы все наши воины сражались за родину так же отважно, как неукротимый Тимур-Мелик! Слава ему во веки веков! Пусть на его примере воспитываются наши дети!»

Люди не позволили умереть памяти об отважном воине Мавераннахра. Весть о его гибели долетела и до Тахира, и до сына Тимур-Мелика Османа. Долго еще будут рассказывать шепотом люди своим сыновьям о жизни и смерти отважного воина. Пока в Мавераннахре не родится мальчик, которого тоже назовут Тимуром, который, возмужав, сбросит с родной земли монгольское иго и создаст новую империю. Империю Тимура.

На могиле Тимур-Мелика монголами был установлена каменная стела с выбитыми словами из книги, которая была похоронена вместе с воином:

Мы источник веселья и скорби рудник,
Мы вместилище скверны и чистый родник.
Человек словно в зеркале, мир — многолик,
Он ничтожен, но все же безмерно велик!

• Предназначение

Хаким лежал на поверхности воды, наслаждаясь невесомостью своего тела. Прямо над ним горели рубиновым цветом мохнатые облака, освещенные закатывающимся солнцем. Это было фантастическое зрелище: бирюзовое небо и кроваво-красные облака. Даже белый снег на вершинах далеких гор окрасился кровавым багрянцем. «Вот так бы и умереть, – подумалось Хакиму, – тихо и умиротворенно». Телу было легко в солоноватой воде Иссык-Куля. И в душе царило спокойствие и согласие с самим собой. Ведь он старше века. Он пережил многих, кто был дорог ему в этой жизни. Зачем продолжать это почти бессмысленное существование? Надо уйти, пока еще есть силы. Чтобы в памяти близких людей остаться здоровым, не сломленным болезнями человеком. Хаким не помнил, сколько схваток он провел в своей жизни. Он был прирожденным борцом. О нем и при жизни ходили легенды. После войны народ любил посещать цирк. В него часто приезжали заезжие гастролеры. Среди них обязательно бывали борцы. После показательных выступлений ведущий предлагал всем желающим из публики померяться силой с атлетами. Все взоры устремлялись в сторону Хакима. Это были счастливые моменты. Под приветственный гул трибун он выходил на арену. Обычно бой не продолжался более двух-трех минут. Несколько выпадов, чтобы понять тактику соперника, и молниеносный проход, заканчивающийся падением ошеломленного внезапностью циркача. Публика ревела в восторге. Надо ли менять этот образ непобедимого борца на больного немощного старца? Уйти, когда никто еще не ждет конца.

Внезапно спокойное зеркало воды, таинственным мерцающим светом отражавшее горящие в небе облака, рассыпалось на миллионы осколков – по озеру прошла рябь. Рыбачье – город ветров. Нет в году такого дня, чтобы не было ветера. На запад от озера открывается вход в Боомское ущелье, которое соединяет Иссык-Кульскую котловину с Чуйской долиной. Из ущелья часто дует сильный ветер. У него даже есть свое название – «Улан». Ветер с востока называют «Санташ». Это название перевала, через

который ведет дорога в Казахстан. «Санташ» означает «Считанный камень» — в той местности возвышается курган из камней, брошенных воинами Тамерлана.

Сейчас это был улан. Рябь увеличивалась, перерастая в волны. Ветер дул от берега в сторону озера. Хаким поплыл обратно. Взлетая на очередной волне, он видел, как далек уже темный от сумерек пляж. Надо торопиться, ветер может усилиться каждую минуту. И тогда будет бесполезно пытаться бороться с разбушевавшейся стихией. Раз, когда Хаким рыбачил с другом в утлой лодчонке, налетел улан. Лодку неудержимо несло вдаль на широкий простор. Шутка ли сказать, ширина Иссык-Куля достигает 64 километров. Настоящее море! В длину более двухсот. Есть где потеряться незадачливому рыбаку! Они с другом гребли, напрягая все свои силы, и берег потихоньку приближался. Но стоило рыбакам поднять весла, чтобы перевести дыхание, как лодку стремительно несло дальше в озеро. Не помогал и самодельный якорь, сделанный из большого валуна — он просто волочился за лодкой по песчаному грунту. А дальше — какой якорь?! — глубины больше нескольких сотен метров. Тогда их спасло то, что их лодку подобрал буксир, тащивший в Рыбачье из Пржевальска караван груженных барж.

Хаким внимательно следил за тем, чтобы плыть правильно, не делая бесполезных движений. Он с силой проводил ладони вдоль своего тела, стараясь как можно дальше толкнуть себя к заветному берегу. Вдох — выдох, вдох — выдох. Главное, не хлебнуть горьковатой воды, это собьет дыхание и Хаким потеряет ритм. Как жаль, что ему уже столько лет! Силы уже не те. Да и устает он быстро. Годы, годы. Внезапно в голове мелькнула шальная мысль. Господи, да ведь он сам полчаса назад размышлял о смерти. Видно, Аллах подслушал его мысли и послал ветер. А что если действительно перестать бороться и поплыть туда, куда зовут эти волны? Поставить точку в этой череде однообразных дней. Когда-то Хаким пытался забыться в религии, алкоголе, в самой жизни и не смог. И вот он — его шанс успокоиться навсегда!

Волны неслись ему навстречу, ветер срывал с них верхушки и швырял Хакиму в лицо. «Вот и все, вот и все», – в такт его гребкам бились мысли в его голове. Но старик упрямо загребал руками, все его существо отказывалось прекращать сопротивление стихии…

Ветер прекратился так же внезапно, как и налетел. Хаким с трудом поднимал одеревеневшие от усталости руки и продолжал грести к берегу. Он прекратил плыть, лишь уткнувшись в мокрый песок пляжа. Встать Хаким уже не мог. Он просто перевернулся на спину и молча смотрел на усыпанное звездами небо. В жилах и голове гудела кровь, теплой волной адреналина заливая каждую клеточку его тела. Эта была какая-то животная радость от чудесного спасения.

На пляже уже давно не было ни одного человека. Озеро мерцало призрачным светом, по его темным водам бежала зыбкая дорожка лунного света. Она тянулась через все озеро к лежащему на песке Хакиму. Звезды в лунном свете поблекли, но все равно их было несметное количество. «Вот мое предназначение – жить, жить, несмотря ни на что. Я мог погибнуть в любую секунду своей жизни. Я выжил. Тимур-Мелик предпочел смерть позорной жизни, а я выбрал жизнь. И не прогадал. У меня есть сыновья, внуки. Я буду жить в них. Если бы я погиб раньше – этого бы у меня не было».
Старик представил бегущих ему навстречу внуков и, наконец, попытался встать.
Пора идти домой – родные заждались его.

© Кадыров В.В., 2007. Taryhy proza